

Содержание

Современные политические институты

<i>Шабает Ю. П., Садохин А. П.</i> Локальные проблемы реализации государственной национальной политики Российской Федерации.....	5
<i>Козлов С. В.</i> Украинский неопатримониальный режим: от «оранжевой революции» к «Евромайдану».....	31
<i>Беренкова Н. А.</i> Шиитские партии Ливана: общие и специфические черты	44

Международные политические процессы

<i>Балуев Д. Г., Каминченко Д. И.</i> Политические ценности и нормы в деятельности ТНК	52
<i>Розанова М. С.</i> Проблемы социально-экономической интеграции мигрантов (на примере стран Европейского союза).....	62
<i>Песцов С. К., Бобыло А. М.</i> Мягкая сила в современной мировой политике: измерение неуловимой реальности.....	79
<i>Павлова Е. Б.</i> Теория нормативной силы: случай Латинской Америки ...	94
<i>Лексютина Я. В.</i> Роль БРИКС в стимулировании парадигмального сдвига в глобальном экономическом управлении	113
<i>Богданов А. Н.</i> Стратегии равновесия и динамика однополярной системы.....	126
<i>Мартынова Л. А.</i> Международные отношения и региональная безопасность в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)	135

Политическая теория

<i>Гуторов В. А.</i> К вопросу о теоретических трансформациях современного консерватизма	144
<i>Коньшев В. Н.</i> Постпозитивизм о личности как новом референте безопасности: критический анализ.....	178
<i>Закиров М. Б.</i> Социальный иерархизм Н. А. Бердяева: политологический аспект	194
<i>Декальчук А. А.</i> Эволюция понятия «внешний шок» в различных традициях изучения политического курса.....	208
<i>Кадочников А. Н., Рудякова Э. А.</i> Ноосферное учение Н. Н. Моисеева: истоки и влияние.....	227

Политическая социология

<i>Трофимова И. Н.</i> Факторы и ограничения гражданского участия в современном российском обществе.....	233
<i>Абрамов Ю. И., Семёнов А. В.</i> Политическая культура как фактор электорального поведения	244

Приглашение к дискуссии

<i>Фадеичева М. А.</i> Возможно ли символическое единство на постсоветском пространстве?	253
<i>Швырков А. И.</i> Политическая реальность, теория и факты	261
<i>Гайворонский Ю. О.</i> Вызовы централизации и трансформации региональных политических режимов (на примере Волгоградской области)	281

Рецензии

<i>Барыгин И. Н.</i> Рецензия на монографию Балюка В. «Правительственные коалиции на Украине в период 2002–2012 гг.»	297
<i>Баранов Н. А.</i> Рецензия на монографию Быкова И. А. «Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования»	301

Конференции

Отчет о работе X Международной научной конференции «Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций» (Москва, 31 октября — 1 ноября 2013 г.)	304
---	-----

Авторы выпуска	311
-----------------------------	-----

Authors, abstracts, keywords	313
---	-----

Contents	319
-----------------------	-----

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВНЕШНИЙ ШОК» В РАЗЛИЧНЫХ ТРАДИЦИЯХ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА¹

В статье прослеживается эволюция понятия «внешний шок» (*external shock*) в различных традициях изучения политического курса. Теоретический обзор первых исследований роли драматических событий в процессе запуска реформ, а также концепции коалиций давления и концепции множественных потоков, в объяснительных моделях которых подобные события являются структурообразующим элементом, позволяет сделать вывод о наличии целого «словаря» родственных, но не синонимичных понятий, приводящего к терминологической и концептуальной путанице при использовании данных понятий в политологических исследованиях. Ввиду выявления этой теоретико-терминологической проблемы в заключение мы предлагаем собственное определение и его удобную операционализацию для проведения эмпирических исследований процесса реформ.

Ключевые слова: внешние шоки, фокусирующие события, изучение политического курса, концепция коалиций давления, концепция множественных потоков

В мире постоянно происходят события, заставляющие международное сообщество реагировать, — иногда сообща, иногда порознь. Террористические атаки 9/11, революционные волнения Арабской весны, ураганы, наводнения — эти трагедии могут быть сотворенными как человеческими руками, так и силами природы. Реакция стран мира также может различаться и принимать форму как простой гуманитарной помощи и оказания финансовой поддержки пострадавшему государству, так и изменений в отдельных областях политики на международном и национальных уровнях. Часто эти изменения могут казаться едва ли связанными со случившимся кризисом или катастрофой.

Сам тот факт, что такие события способны приводить к реформам в политической сфере мирового, регионального или же национального масштабов, позволяет считать эти трагические события лежащими в предметной области политической науки. Но как следует понимать, а главное, операционализировать подобные переменные в политологическом исследовании?

В данном теоретическом обзоре мы постараемся проследить развитие взглядов политологов на такие драматические события и их роль в запуске процессов реформирования отдельных политических курсов, а также показать, что предлагаемые различными концепциями определения лишь отчасти улавливают суть подобных явлений и их значение в процессе реформ. Именно поэтому в заключение мы предложим собственную операционализацию для подобных трагических событий, которые мы вслед за авторами концепции коалиций давления будем называть внешними шоками.

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта Российского гуманитарного научного фонда № 12-33-01440 «Политические факторы реализации модернизационных программ: случай Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2010 года».

Наш обзор построен хронологически. В первом разделе мы сделаем небольшой экскурс в исследовательскую традицию *policy studies*, поскольку то, как функционируют и реформируются политические курсы, находится в фокусе внимания авторов именно этого направления политологии. Далее мы коснемся первых теоретических исследований роли драматических событий в процессе реформ. В третьем разделе мы покажем то, как внешние шоки определяются авторами этого термина — Полом Сабатье и Хэнком Дженкинс-Смитом, встроившими эту переменную в свою объяснительную модель процесса реформ. Наконец, в последнем разделе мы объясним, как понятие внешнего шока соотносится с понятием фокусирующего события, предложенным другим автором традиции *policy studies* Джоном Кингдоном. Это позволит нам не только продемонстрировать определенную преемственность взглядов всех авторов, использующих трагические события в качестве независимой переменной в своих теориях, но и предложить собственное определение внешних шоков в заключительной части статьи.

ИСТОКИ ТРАДИЦИИ *POLICY STUDIES*

То, что политология сегодня, в первую очередь, понимается как наука о борьбе за власть и способах ее удержания, является трюизмом, не требующим развернутого пояснения. Однако, в действительности, поле политического значительно шире, чем, например, электоральная кампания или же военный переворот, и включает в себя, помимо непосредственных проявлений борьбы за власть, все то, что касается управления государством, проведения отдельно взятых политических курсов, их создания и реформирования с целью решения общественно значимых проблем и устранения провалов рынка и государства.

В рамках политической науки эти вопросы уже более 60 лет находятся в фокусе внимания несколько обособленной исследовательской традиции, заложенной еще в 1950-е гг. Гарольдом Лассуэллом — в своей инаугурационной речи президент Американской ассоциации политической науки 1955–1956 гг. назвал эту традицию *policy science*² (Lasswell, 1956a, p. 979; подробнее о развитии Лассуэллом идеи о *policy science* см. Farr, Hacker, Kazee, 2006). Правда, сегодня более распространенным является название *policy studies*.

Классическим подходом к изучению процессов создания и реформирования политических курсов в рамках традиции *policy studies* по праву может считаться политический цикл (*policy cycle*), дезагрегирующий процесс принятия политических решений на отдельные стадии³ (Howlett, Ramesh, 2003, p. 11). Именно данный подход, предложенный все тем же Гарольдом Лассуэллом (Lasswell,

---

² В переводе, сделанном составителями сборника «Публичная политика: от теории к практике», это термин был переведен как «политико-управленческие дисциплины» (подробнее см. де Леон, 2008, с. 75).

³ В русскоязычной академической литературе этот термин иногда также переводят как модель политико-управленческого цикла, динамический цикл и стадийный подход (подробнее см., напр., Дегтярев, 2003с; Дегтярев, 2004; де Леон, 2008).

1956b; Lasswell, 1971) и доработанный Гари Бруэром в 1974 и 1983 гг. (Brewer, 1974; Brewer, DeLeon, 1983) так, чтобы стадии были не просто последовательными шагами, с первого по седьмой, как предложил Лассуэлл, но превращались в замкнутый круг, или же непрерывный политический цикл, во многом определил вектор развития всей субдисциплины *policy studies* (Howlett, Ramesh, 2003, p. 11–13).

Сегодня наиболее распространенной является версия политического цикла, состоящего из пяти последовательных стадий: (1) вынесение проблемы на повестку дня, (2) формулирование альтернативных решений поставленной проблемы, (3) выбор одной из альтернатив и ее законодательное закрепление, (4) имплементационная фаза и, наконец, (5) мониторинг имплементации и оценка действенности принятых мер для решения изначально сформулированной проблемы (Howlett, Ramesh, 2003, p. 13). В случае, если мера на стадии мониторинга признается неудовлетворительной, а проблема — не устраненной, цикл запускается вновь. В сущности, логика и вся внутренняя динамика теории политического цикла является структурно-функциональной, а дезагрегирование исследователями процесса принятия решений о политических курсах — попыткой заглянуть в тот самый черный ящик политической системы (Easton, 1953; Easton, 1957; Easton, 1965a; Easton, 1965b). В полном соответствии с истоновской логикой на каждой из стадий цикла определенные элементы системы осуществляют характерные для них функции (о сравнении идей Лассуэлла и Истона подробнее см. Thurber, 2003, p. vii). Но так же, как структурный функционализм стал вытесняться теорией рационального выбора (ТВВ) и новым институционализмом в мейнстриме политической науки, политический цикл постепенно оказался отодвинутым на второй план в традиции *policy studies*.

Уже в конце 1980-х гг. подход, предложенный Лассуэллом, подвергся шквальной критике. Как отмечает Пол Сабатье, один из главных оппонентов данного подхода, несмотря на то, что политический цикл «служил важной цели в 1970-е гг. и в начале 1980-х гг., разделяя крайне сложный процесс функционирования политических курсов на отдельные стадии и стимулируя проведение первоклассных исследований в рамках отдельных стадий» (Sabatier, 2007, p. 7), этот подход не лишен крайне серьезных эпистемологических и методологических недостатков. Главными среди них совместно со своим соавтором Хэнком Дженкинс-Смитом он называет дескриптивную ошибочность теории и то, что она не является каузальной моделью, а следовательно, не дает возможности для формулирования и эмпирической проверки гипотез (подробнее см. Sabatier, Jenkins-Smith, 1993, p. 3–4).

Что же Сабатье и Дженкинс-Смит понимают под проблемой дескриптивной ошибочности теории? Одной из наиболее ярко критикуемых посылок политического цикла является то, что эта модель описывает процесс изменения политического курса (*policy change*) как пошаговую инструкцию по решению проблем (Sabatier, Jenkins-Smith, 1993). Сам тот факт, что стартовой точкой цикла, его первой стадией, является стадия выявления и постановки проблемы, недвусмысленно указывает на ориентированность на решение проблемных ситуаций в рамках отдельно взятого политического курса. Хоуллетт и Рамеш отмечают, что

такое представление о процессе реформирования политических курсов, однако, далеко не всегда соответствует действительности, и указывают на целый ряд несоответствий (Howlett, Ramesh, 2003, p. 14). И действительно, эмпирическая реальность подсказывает нам, например, что какие-то стадии цикла в процессе изменения политического курса могут быть просто пропущены, а сам их порядок может быть нарушен.

Если же говорить о проблеме каузальности, то представляется, что проблема отсутствия в теории механизмов выявления причинно-следственных связей вызвана тем, что политический цикл как теоретический конструкт является довольно схематичным и крайне не детализированным. Это, в свою очередь, ведет к тому, что различные стадии, в сущности, оказываются обособленными и практически никак между собой не связанными (Sabatier, 2007, p. 7). Для любой каузальной модели требуется наличие синтаксиса, строящегося по принципу «если..., то...» или же «чем..., тем...». Иными словами, политический цикл удовлетворял бы требованию каузальности на уровне модели, если бы, например, предлагал следующую формулировку: «если на стадии формулирования альтернатив доминирует одна-единственная мощная группа лоббистов, то вероятность выбора альтернативы, выдвигаемой этими лоббистами, на стадии выбора единственной альтернативы и ее законодательного закрепления резко повышается»; или же «если выдвижение вопроса на повестку дня происходит из-за какого-либо трагического события или катастрофы, то скорость принятия мер по устранению проблемы резко возрастает на всех стадиях цикла».

На решение этих двух фундаментальных проблем были, в первую очередь, направлены усилия теоретиков традиции *policy studies*, пришедших вслед за Лассуэллом и разработавших за последние тридцать лет множество разнообразных теорий и концепций, объясняющих как условия стабильности и неизменяемости политических курсов, так и механизмы их формирования и реформирования (обзор наиболее влиятельных теорий и концепций представлен в *Theories of the Policy Process*, 2007; John, 2012). И несмотря на то, что историография этой исследовательской традиции представляется нам крайне интересной и заслуживающей пристального внимания (в частности, в силу того, что в России исследователи, занимающиеся изучением отдельных государственных политических курсов, обращаются к этому направлению крайне редко⁴), далее

---

⁴ Наиболее интересными эмпирическими статьями, написанными российскими авторами и использующими в качестве теоретической рамки концепции и модели традиции *policy studies*, нам представляются исследование Кирилла Федорова, посвященное политике в сфере местного налогообложения в России, и работа Андрея Стародубцева о реформе образовательной политики и введении Единого государственного экзамена, а также статья Сергея Нефедова о региональном политическом процессе (Федоров, 2003; Стародубцев, 2013; Нефедов, 2009). Наиболее развернутый теоретико-историографический экскурс в традицию *policy studies* был сделан Андреем Дегтяревым в серии статей, опубликованных в журнале «Полис» в 2003 году (Дегтярев, 2003а; Дегтярев, 2003б; Дегтярев, 2003с). Наконец, некоторые концепции данного направления (в частности, концепция множественных потоков Джона Кингдона) используются в работах российских авторов, посвященных медиакоммуникациям (подробнее см. Дьякова, 2003; Дьякова, 2005; Дьякова, 2008; Пономарев, 2010).

в статье подробно мы остановимся только на двух концепциях, возникших в середине 1980-х — начале 1990-х гг., поскольку именно концепция множественных потоков (*Multiple Streams Framework*) Джона Кингдона⁵ (Kingdon, 1984) и концепция коалиций давления (*Advocacy Coalition Framework*) Пола Сабатье и Хэнка Дженкинс-Смита⁶ (*Policy Change And Learning: An Advocacy Coalition Approach*, 1993) позволят нам определить, что в политической науке понимается под термином «внешние шоки», находящимся в центре нашего исследовательского внимания.

ОТ ДАУНСА К УОКЕРУ: ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ ДРАМАТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕФОРМ

Несмотря на то, что само понятие внешних шоков, или внешних событий (*external shocks, external subsystem events, exogenous events*), является классическим для теоретической мысли разработчиков концепции коалиций давления (ККД) и определяется как «изменения / сдвиги в параметрах глубинных убеждений о политическом курсе (*policy core beliefs attributes*) в рамках подсистемы», включающие в себя «обширные изменения в социоэкономических условиях, общественном мнении, правящих коалициях и других подсистемах» (Weible, Sabatier, McQueen, 2009, p. 124), этот раздел статьи все же следует начинать не с разбора данной концепции. Причиной этому служит тот факт, что внимание к роли различных драматических событий в процессе изменения политических курсов уделялось и до публикации в 1988 году симпозиумного выпуска журнала *Policy Sciences*, в котором Сабатье и Дженкинс-Смит впервые четко сформулировали свою теорию (Sabatier, Weible, 2007, p. 189; подробнее см. Symposium Issue «An Advocacy Coalition Framework...», 1988).

Одним из первых на значимость подобных событий внимание обратил Энтони Даунс, предложивший в 1972 году модель цикла внимания к проблеме (*Issue-Attention Cycle*) (Downs, 1972). Описанный Даунсом цикл состоит из пяти стадий: (1) предпроблемная стадия, (2) тревожное обнаружение проблемы и эйфорический энтузиазм, (3) осознание стоимости значительного продвижения в разрешении проблемы, (4) постепенное снижение острого общественного интереса к проблеме и (5) постпроблемная стадия.

Наиболее интересными с точки зрения влияния драматических событий на стабильность и изменчивость политических курсов, очевидно, являются первая и вторая стадии цикла. Сам Даунс определяет их следующим образом:

Ситуация находится в предпроблемной стадии, «когда существуют крайне не желательные социальные условия, которые, однако, еще не привлекли к себе общественного внимания, даже если некоторые эксперты или группы интересов уже

---

⁵ В русскоязычной академической литературе этот термин иногда также переводят как потоковая модель Кингдона (Дегтярев, 2003с).

⁶ В русскоязычной академической литературе этот термин также переводят как теория идеологических коалиций, концепция лобби-коалиций и концепция коалиций поддержки (Федоров, 2003; Сабатье, Дженкинс-Смит, 2008; Стародубцев, 2013).

обеспокоены ими...». Стадия тревожного обнаружения проблемы и эйфорического энтузиазма наступает тогда, когда «в результате серии драматических событий... общество вдруг одновременно оказывается в курсе проблемы и крайне встревожено ее негативными последствиями. Это тревожное обнаружение наличия проблемы неизменно сопровождается эйфорическим энтузиазмом в отношении способности общества «решить проблему» или же «сделать что-то действенное и результативное» в относительно сжатые сроки...» (Downs, 1972, p. 39).

Примечательно и то, что в отличие от современной версии политического цикла цикл внимания к проблеме не является непрерывным и, следовательно, бесконечным, поскольку не подразумевает возможности непосредственного перехода все той же проблемы из пост-проблемной стадии в предпроблемную. Это связано с тем, что зачастую в момент протекания второй и, возможно, третьей стадий⁷ происходит принятие определенного законодательства и / или создание некоторых организаций, призванных устранить или хотя бы частично решить проблему, к которой в этот момент приковано общественное внимание. Единожды созданные, эти институты не исчезают даже после того, как внимание к проблеме снизилось и оказалось на уровне постпроблемной стадии, перекинувшись на какую-либо другую проблему. Более того, в процессе рутинного функционирования эти институты могут оказывать и зачастую оказывают значительное положительное воздействие на проблему, частично выправляя ситуацию и тем самым меняя масштаб и конфигурацию проблемной области (Downs, 1972, p. 40–41; Peters, Hogwood, 1985, p. 240).

Сам Даунс указывает на ограничения в применении модели цикла внимания к проблеме, определяя некоторые специфичные характеристики, которыми должна обладать проблема, чтобы быть способной попасть в цикл и пройти через его стадии (Downs, 1972, p. 41–43). Несмотря на это, сам тот факт, что один из основоположников теории рационального выбора рассматривает драматические события как центральный триггер для привлечения внимания публики к проблеме и возможного последующего принятия законодательства, создающего политический курс или же реформирующего какую-либо политику, задает вектор исследовательского внимания к подобным событиям-триггерам уже в начале 1970-х гг. (Page, 2006, p. 216).

Модель Даунса, однако, с натяжкой можно отнести к классическим работам в рамках традиции *policy studies*. В сущности, цикл внимания объясняет поведение общества и общественные аттитюды и лишь поверхностно касается политических аспектов вопроса — политического влияния вынесения проблемы на повестку дня и реакции государства на острый общественный интерес к про-

---

⁷ Как справедливо замечают Гай Питерс и Брайан Хогвуд, Даунса, в первую очередь, интересует то, как работает цикл внимания, а не то, как государство реагирует на вынесение проблемы на повестку дня (в форме принятия законодательства или же создания специальных органов и комитетов), поэтому сам разработчик цикла не уточняет, на какой/их стадии/ях возможно принятие государственных мер. Происходит ли оно до осознания стоимости решения проблемы или же уже после — на стадии имплементации — и как это влияет на содержание самой меры, остается не определенным в модели Даунса (Peters, Hogwood, 1985, p. 239).

блеме (Peters, Hogwood, 1985, p. 239). Кроме того, Даунс практически никак не определяет характер и свойства событий, запускающих работу цикла, сводя все характеристики явления к эпитетам «драматичный» и «волнующий» (Downs, 1972, p. 42). Наконец, как и теория политического цикла, модель Даунса строится на идее того, что цикл запускается только при появлении на повестке дня серьезной проблемы, и в этом смысле не может избежать критики, подобной той, которую Сабатье и другие авторы адресовали политическому циклу.

Следует сразу заметить, что развившие концепцию Даунса Питерс и Хогвуд частично ответили на две последние претензии к циклу внимания, эмпирически показав в 1985 г., что применение модели можно распространить практически на любой политический курс, а также то, что существует, как минимум, два типа явлений, которые могут привлечь общественный интерес к проблеме и, тем самым, запустить цикл. К первой группе они относят *внешние события* — не обязательно, но зачастую кризисного характера (такие как войны или энергетические кризисы). Вторую группу составляют более политико-ориентированные триггеры, отражающие политические приоритеты находящихся у власти политических сил в какой-то определенной области политики (*policy area*) (Peters, Hogwood, 1985, p. 251–252).

Похожую, однако, более детализированную и проработанную, типологию подобных явлений еще в 1977 г. предложил Джек Уокер, один из многочисленных исследователей, занимавшихся в 1970-е гг. и в начале 1980-х гг. исследованием механики функционирования отдельных стадий внутри политического цикла⁸. Изучая принципы установления повестки дня в Сенате США, Уокер выделил четыре группы проблем, способных видоизменять повестку американских законодателей: (1) периодически повторяющиеся проблемы, (2) нерегулярно повторяющиеся проблемы, (3) кризисы и неотложные / экстренные проблемы (*pressing problems*) и, наконец, (4) отобранные проблемы, предлагаемые сенаторами-активистами (Walker, 1977, p. 424–426).

Несмотря на то, что для решения задачи определения и дальнейшей операционализации понятия внешнего шока, в первую очередь, интересно то, как Уокер определяет кризисные явления, мы, тем не менее, не можем опустить разбор понятийного аппарата, предлагаемого автором — такой разбор не только создаст более ясное понимание отличий между четырьмя группами проблем посредством их сопоставления и сравнения, но и даст возможность проследить преемственность идеями Даунса в модели Уокера.

Так, в качестве классического примера периодически повторяющихся проблем на повестке дня Сената, «требующих внимания каждый год вне зависимости от того, каковы другие пункты повестки», Уокер называет ежегодное принятие федерального бюджета (Walker, 1977, p. 425). Говоря о нерегулярно

---

⁸ Отдавая дань идеям Лассуэлла и его соратников, именно об этом пласте академической литературы в своем обзоре пишет Сабатье, указывая на то, что политический цикл дал стимул проведению первоклассных исследований по отдельным стадиям цикла и, в частности, по стадии вынесения проблемы на повестку дня и имплементационной фазе (Sabatier, 2007, p. 7).

повторяющихся проблемах, автор, вполне в духе идеи «прилипчивых» институтов (*sticky institutions*) и логики зависимости от выбранного пути (*path dependence*), предложенных теоретиками исторического неинституционализма спустя, как минимум, 10–12 лет после проведенного Уокером исследования (см., напр., North, 1990; подробнее об упомянутых понятиях см., напр., Pierson, 2000, p. 493), объясняет, что в случае, когда внутри уже существующего политического курса возникают какие-либо противоречия, они автоматически привлекают внимание сенаторов и, таким образом, неминуемо попадают на повестку дня. Любопытным в отношении этой группы проблем является само определение уже существующего политического курса, поскольку оно довольно явно переключается с идеей Даунса о постпроблемной фазе. Уокер пишет, что какая-либо область политики уже состоялась как политический курс и сложилась в «маленькую политическую систему», или субправительство (*sub-government*), когда уже приняты основные законодательные акты и учреждены комитеты и организации, регулирующие эту область, а группы, вовлеченные в каком-либо свойстве в процесс имплементации данного политического курса, уже сорганизовались и готовы лоббировать правительство и законодателей в этой сфере (Walker, 1977, p. 425–426). (К вопросу о содержании понятий субправительства, а также подсистемы мы вернемся чуть позже, поскольку шоки, которые мы стремимся определить и операционализировать в данной статье, внешними являются как раз по отношению к этим самым «маленьким политическим системам». Однако, не будем забегать вперед.)

В свою очередь, определяя кризисы и неотложные проблемы, Уокер вновь во многом вторит Даунсу, однако, в отличие от теоретика ТРВ, автор предлагает значительно более детализированное определение. Сравнивая нерегулярно повторяющиеся проблемы с неотложными, он говорит, что:

«Не все проблемы, однако, вытекают из принятых в прошлом решений с такой же предсказуемостью. Жестокие гражданские беспорядки 1960-х годов или же нефтяное эмбарго со стороны ОПЕК грянули как гром среди ясного неба и мгновенно и чрезмерно взбудоражили страну не без помощи средств массовой информации. Внезапно и комментаторы, и граждане провозглашают масштабный национальный кризис и ждут от сенаторов принятия незамедлительных мер. Неотложные проблемы врываются на повестку дня Сената вне зависимости от того, имеются ли [у сенаторов] «под рукой» выполнимые меры [по решению проблемы]. Есть настойчивая необходимость действовать как можно скорее, даже если само действие несет исключительно символическое значение... Когда [такие проблемы] возникают, они отодвигают на второй план все остальные пункты повестки, которые можно отложить...» (Walker, 1977, p. 426).

Наконец, отобранные проблемы в каком-то смысле предвосхищают идею Питерса и Хогвуда о политико-ориентированных триггерах, однако, определяя их, особое внимание Уокер уделяет субъектам, способствующим отбору именно этих проблем из широкого пула, предлагаемого законодателями-активистами — он называет их политическими антрепренерами (*policy entrepreneurs*) и включает в эту группу уже упомянутых сенаторов-активистов, группы давления, а также профессиональные сообщества (Walker, 1977, p. 426, 431, 438).

Примечательно здесь то, что умения, навыки, энергичность и активизм антрепренеров, по мнению Уокера, важны лишь в процессе выдвижения на повестку дня отобранных проблем. Даже когда он говорит о способности антрепренеров использовать кризисные события для лоббирования и продвижения предпочтительных для них законодательных инициатив, он, в первую очередь, имеет в виду не кризисы и неотложные проблемы, которые заставляют Сенат экстренно реагировать в *любом случае*, а менее масштабные трагические события, непосредственно относящиеся к тому субправительству, в рамках которого действует антрепренер (Walker, 1977, p. 435, 438).

Как мы видим, Уокер делает различие, пускай и имплицитное, между неотложными проблемами национального масштаба, лишь условно связанными с отдельными областями политики, и более конкретными кризисами, находящимися «внутри» фиксированных субправительств. Подобное различие между внешними по отношению к подсистеме шоками и внутренними подсистемными шоками мы найдем и у авторов концепции коалиций давления, существенно доработанной ими в 2007 г. (Sabatier, Weible, 2007, p. 190, 204–205). Однако, прежде чем переходить к подробному анализу основных допущений и посылок ККД, здесь все же следует сделать определенную оговорку, связанную с необходимостью разобраться, насколько, в принципе, синонимичны и взаимозаменяемы понятие субправительства, используемое Уокером, и подсистемы, к которому обращаются Сабатье и Дженкинс-Смит, ведь наличие границы у субправительства / системы, собственно, и дает возможность различения между внешними и внутренними шоками.

Спустя пятьдесят лет после того, как понятие подсистемы вошло в научный оборот (Freeman, 1955), Род Родес без каких-либо сомнений рассматривает и подсистемы, и субправительства, как, впрочем, и сети вокруг проблем (*issue networks*), и «железный» треугольник, и сообщества политических курсов (*policy communities*), и эпистемные сообщества, и коалиции давления как разнообразные разновидности политических сетей (*policy networks*), используя последний термин в качестве обобщающего (Rhodes, 2006, p. 425–426; подробнее о «вавилонском концептуальном хаосе» в исследованиях *policy networks* см. Börgel, 1998; Adam, Kriesi, 2007). Однако еще в середине 1980-х гг. такое утверждение могло бы показаться, как минимум, некорректным, хотя в чем-то и справедливым (см., напр., Freeman, Parris Stevens, 1987). И вот почему.

Как указывают Липер Фриман, создатель понятия подсистемы, и его соавтор Джудит Пэррис Стивенс, несмотря на то, что книга Рэндала Рипли и Грэйс Франклин 1976 года оказала наиболее серьезное воздействие на то, что к началу 1980-х гг. термин «субправительство», использованный Рипли и Франклин в указанной работе, обошел по частоте обращений и упоминаний понятие подсистемы, они признают тот факт, что, в сущности, субправительство как термин, возможно, даже лучше определяет то явление, которое Фриман назвал подсистемой (Freeman, Parris Stevens, 1987, p. 10).

Сравнивая данные определения, мы действительно увидим, что между ними нет никакого противоречия и что определение, данное в 1976 году, просто чуть более детализированное. Если Фриман понимает под подсистемой набор акто-

ров, институтов и организаций, взаимодействующих между собой по вопросам, касающимся конкретной области политики, но встроенных в большую по своему масштабу политическую систему и происходящих из нее (Freeman, Parris Stevens, 1987, p. 10), то Рипли и Франклин, отсылая, естественно, к американскому случаю, определяют субправительство так: «субправительства представляют собой кластеры индивидов, которые, в сущности, принимают большинство рутинных решений в конкретной области политики... Типичное субправительство состоит из членов Палаты представителей и /или Сената, представителей штата Конгресса, нескольких бюрократов, представителей неправительственных групп и организаций, имеющих интересы в данной области политики» (Ripley, Franklin, 1980, p. 8–9).

Интуитивно кажется, что определение Рипли и Франклин также практически ничем не отличается от знаменитого «железного» треугольника, создание которого как концепции часто, но не совсем корректно, приписывают Теодору Лоуи,⁹ или же от понятия «маленького уютного» треугольника (*cozy little triangle*), разработанного Дороты Джеймс (подробнее см. James, 1974). Это, однако, лишь видимость, поскольку используемые для определения треугольника эпитеты — «железный» или же «маленький уютный» — недвусмысленно дают понять, что система взаимодействия бюрократов, законодателей и групп интересов, находящихся на вершинах треугольника, является замкнутой и закрытой для других потенциальных игроков в рамках данного политического курса (подробнее см. Freeman, Parris Stevens, 1987, p. 12–13; Rhodes, 2006, p. 427). Но ни понятие субсистемы, ни термин «субправительство» не предполагают такой закрытости системы; напротив, одной из главных характеристик субсистемы / правительства является активное кросс-институциональное взаимодействие разнообразных акторов, вовлеченных в определенную область политики.

Иными словами, в принципе, используемое Сабатье и Дженкинс-Смитом понятие субсистемы вполне может быть синонимизировано с термином «субправительство», к которому отсылает Уокер и который в чем-то переключается с пост-проблемной стадией в цикле внимания Даунса. Более того, разработчики концепции коалиций давления, вероятно, реагируя на дискуссию конца 1980-х гг. о карикатурно закрытом и в каком-то смысле даже олигархическом характере «железного» треугольника, эксплицитно указывают, что набор акторов в рамках субсистемы любого политического курса, по их мнению, «включает в себя не только традиционный «железный» треугольник законодателей, чиновников и лидеров групп интересов, но и исследователей, и журналистов, специализирующихся на данной области политики, а также судебных чиновников, регулярно

---

⁹ Так, например, Родес, объясняя предысторию возникновения понятия «железного» треугольника, отсылает к газетной статье Лоуи 1964 года, в которой описывается некоторое симбиотическое сосуществование Конгресса, исполнительного агентства и фермерского лобби, причем описание действительно строится на метафоре треугольника, однако, эпитет «железный» к нему Лоуи не применяет (Lowi, 1964, p. 36; подробнее об этом у Родеса см. Rhodes, 2006, p. 427). Российские же авторы зачастую и вовсе используют как взаимозаменяемые понятия «железного» треугольника и треугольника Лоуи (см., напр., Федоров, 2003).

вторгающихся в субсистему»; при этом, следует отметить, что субсистема находится не в вакууме, а встроена в большую политическую систему и существует параллельно с другими субсистемами политических курсов (Sabatier, Weible, 2007, p. 191–192; также см. Weible, Sabatier, McQueen, 2009, p. 122).

Еще одним крайне интересным дополнением, уточняющим первоначальное определение Фримана, является выделение Сабатье и Дженкинс-Смитом двух измерений субсистемы: функционального / содержательного (в сущности, речь идет о непосредственном содержании политического курса) и географического (Sabatier, Weible, 2007, p. 192).

ВНЕШНИЕ ШОКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ КОАЛИЦИЙ ДАВЛЕНИЯ

Как ясно следует из самого названия концепции коалиций давления, в рамках отдельно взятой субсистемы политического курса действуют и в каком-то смысле соревнуются между собой так называемые коалиции давления, которых авторы ККД определяют как «актеров, [происходящих] из различных институтов на всех уровнях правительства, разделяющих набор базовых убеждений (*beliefs*)... и стремящихся манипулировать правилами, бюджетами и персоналом правительственных институтов для достижения собственных целей...» (Sabatier, Jenkins-Smith, 1993, p. 5). Эти соревнующиеся коалиции формируются вокруг стабильных, устойчивых к изменениям, трехслойных систем убеждений, состоящих из: (1) глубинных сущностных убеждений (*deep core beliefs*), «фундаментальных нормативных и онтологических аксиом, определяющих публично выражаемую человеком личную философию», (2) сущностных убеждений о политическом курсе (*policy core beliefs*), «фундаментальных позиций относительно политического курса, касающихся базовых стратегий, необходимых для осуществления глубинных сущностных убеждений [в конкретной области политики]» и, наконец, (3) инструментальных убеждений о политическом курсе (*instrumental policy beliefs*), «состоящих из множества инструментальных решений и механизмов поиска информации, необходимых для имплементации сущностных убеждений о политическом курсе в конкретной области политики» (Sabatier, 1993, p. 29–33; подробнее см. Sabatier, Weible, 2007, p. 194–196). Сами определения каждого из слоев / уровней убеждений подсказывают, что наиболее устойчивыми к изменениям являются глубинные сущностные убеждения, в то время как инструментальные убеждения при определенных обстоятельствах могут изменяться относительно легко.

Это допущение о том, что в рамках субсистемы противоборствующие коалиции давления будут продвигать свои сущностные убеждения о политическом курсе, естественно, соответствующие глубинным сущностным убеждения членов коалиции, в чем-то роднит ККД с социологическим неоинституционализмом и идеей Джеймса Марча и Йохана Олсена о логике уместности (*logic of appropriateness*), ведь акторы, согласно ККД, ведут себя, ориентируясь не на холодный расчет и логику последствий (*logic of expected consequences*), а на свои нормативные убеждения о допустимом, уместном и правильном (Sabatier, Weible, 2007, p. 194, 197–198; подробнее см. March, Olsen, 1998, p. 948–958).

Как утверждают многие исследователи, подавляющее большинство теорий и концепций в рамках исследования политических сетей, включающих и субсистемы, и, конечно, коалиции давления, скорее фокусируется на стабильности и устойчивости политических курсов и зачастую вовсе не в состоянии объяснить значительные изменения в проводимой политике (см., напр., Richardson, 2000; Rhodes, 2006, p.439; подробнее об идее инкрементализма и прерывистого равновесия см. Baumgartner, Jones, 1991; Baumgartner, Jones, 1993; True, Jones, Baumgartner, 2007). В этом смысле, конечно, концепция коалиций давления представляет собой прекрасное исключение, предлагая сразу четыре триггера, необходимых, но не всегда достаточных, для изменения политического курса. К ним относятся уже упоминавшиеся внешние и внутренние шоки, а также политико-ориентированное научение (*policy-oriented learning*) и договорные соглашения (*negotiated agreements*). И если два последних механизма скорее способны внести незначительные изменения в проводящийся курс, влияя лишь на инструментальные убеждения доминирующей в рамках субсистемы коалиции, то внешние и внутренние шоки могут не только повлиять на расстановку сил в рамках отдельной области политики, ослабляя гегемонистскую коалицию и усиливая коалицию, бросившую ей вызов, но и изменить существенные убеждения о политическом курсе у значительного числа акторов внутри субсистемы (Sabatier, Weible, 2007, p. 198–199, 204–205; Weible, Sabatier, McQueen, 2009, p. 124). Что же понимают под внешними и внутренними шоками авторы ККД?

Естественно, главной характеристикой внешнего шока является его экзогенность (содержательная, географическая или же содержательная и географическая) по отношению к субсистеме. В качестве такого шока могут выступать: (1) изменения социо-экономических условий в рамках более широкой политической системы, (2) изменение общественного мнения, (3) изменения в правящей на уровне всей политической системы коалиции, (4) влияние, оказываемое со стороны других субсистем (по нашему мнению, такое влияние вполне можно называть позитивными и негативными экстерналиями, производимыми другими субсистемами) и, наконец, (5) катастрофы. В свою очередь, внутренние субсистемные шоки, появившиеся в качестве независимой переменной в обновленной версии ККД лишь в 2007 году, отличаются от внешних тем, что происходят непосредственно внутри субсистемы и могут принимать форму как кризисов и катастроф в рамках субсистемы, так и каких-либо иных явлений, наглядно демонстрирующих недостатки и провальность проводимого политического курса (Sabatier, Weible, 2007, p. 198–199, 204–205; Weible, Sabatier, McQueen, 2009, p. 124).

Как мы видим, различие, которое делают Сабатье и Вейбл в 2007 году, во многом переключается и с идеями Уокера, и с делением Хогвудом и Питерсом триггеров на кризисные и политико-ориентированные, и с моделью Даунса, ставящего в центр цикла внимания драматическое событие. Любопытно при этом то, что различая внешние и внутренние шоки, разработчики ККД совсем не ссылаются на упомянутых авторов, указывая, что они продолжают традицию исследований фокусирующих событий (*focusing events*), предложенных на уровне идеи Джоном Кингдоном в 1984 году и активно изучаемых сегодня Томасом Биркландом (подробнее см. Sabatier, Weible, 2007, p. 204; подробнее см. Kingdon, 1984; Birkland, 1997; Birkland, 1998; Birkland, 2006).

ФОКУСИРУЮЩИЕ СОБЫТИЯ И КОНЦЕПЦИЯ МНОЖЕСТВЕННЫХ ПОТОКОВ

Несмотря на то, что в концепции множественных потоков (КМП) Джона Кингдона фокусирующие события являются лишь одним из структурообразующих элементов теории, для целей определения и операционализации понятия внешнего шока в данной статье обращение к этой влиятельной концепции представляется более чем необходимым.

По нашему мнению, по сравнению с концепцией коалиций давления подход Кингдона стоит на более высокой ступени лестницы абстракций (Sartori, 1970) и, в сущности, являет собой акторно-институциональную модель, объясняющую механизмы вынесения проблем на повестку дня и процессы выдвижения тех или иных альтернативных решений. Как отмечает сам Кингдон, его интересуют не только акторы, участвующие в этих процессах (как, например, Сабатье и Дженкинс-Смита, в первую очередь, фокусирующих свое внимание на динамике внутри субсистем), но и правила игры, в рамках которой они функционируют (Kingdon, 2003, p. 16)¹⁰.

Само название концепции, очевидно, отводит важную роль чему-то, что называется потоками. Что это за потоки? Вполне в духе теории струн в квантовой механике КМП предполагает, что в политической системе постоянно «струятся» три более или менее независимых друг от друга потока: проблемный поток (*problems stream*), поток политических курсов, или решений (*policies stream / solutions stream*), и политический поток (*politics stream*). Когда эти три потока соединяются воедино (*coupling*), а происходит это в моменты открытия окон возможностей (*policy windows*) и при активном участии политических антрепренеров, шансы принятия политиками определенного политического курса значительно повышаются (Kingdon, 2003, p. 86–89, 165–208; Zahariadis, 2007, p. 65).

Вслед за разработчиком КМП Николаос Захариадис, один из наиболее известных современных последователей Кингдона, определяет проблемы как «ситуации, которые начинают восприниматься как проблемы в зависимости от того, кто уделяет им внимание в определенный момент времени, каковы ценности и убеждения заинтересованных игроков и насколько велико изменение по сравнению с первоначальной ситуацией» (Zahariadis, 2003, p. 7). Указывая на то, что ситуация становится проблемной в зависимости от ее восприятия и интерпретации, Кингдон выделяет три механизма придания ситуации статуса проблемы: (1) индикаторы и показатели (например, ежегодные данные о детской смертности или же показатели безработицы в стране и т. д.), которые позволяют оценить ситуацию в конкретной области и измерить динамику изменения показателей в данной сфере; (2) фокусирующие события (например, теракты 11 сентября или же забастовки шахтеров и т. д.), которые приковывают внимание СМИ,

---

¹⁰ Надо признать, что при пересмотре и доработке ККД в 2007 году Сабатье и Вейбл попытались включить в модель институциональные переменные; однако, с одной стороны, это чрезмерно усложнило теорию, а с другой, изначальный фокус концепции на границах субсистем, в принципе, позволяет таким переменным играть лишь вторую скрипку в объяснительной модели (подробнее см. Sabatier, Weible, 2007, p. 199–207).

общества и политических антрепренеров к проблемной ситуации; (3) обратная связь, позволяющая оценить эффективность предыдущего или же проводимого сегодня политического курса или какой-то из его составляющих (Kingdon, 2003, p. 90–105; Zahariadis, 2007, p. 70–72).

Также на придание ситуации статуса проблемы сильно влияет загруженность политиков: когда в их повестке есть сразу несколько сложных проблемных ситуаций, шансы использования одного из трех описанных выше механизмов для «превращения» ситуации в проблему резко понижаются (Zahariadis, 2007, p. 72).

В свою очередь, поток политических курсов / решений представляет собой в каком-то смысле ящик с инструментами, только здесь в роли отверток и молотков выступают всевозможные альтернативные решения каких-либо проблемных ситуаций в конкретной политической сфере, разработанные специалистами в данной области. Более того, эти альтернативы находятся в состоянии постоянного соревнования за право стать тем самым инструментом, при помощи которого политики в конечном счете будут разрешать имеющуюся в рамках данного политического курса проблему (Zahariadis, 2003, p. 8; Zahariadis, 2007, p. 72). При этом, далеко не все имеющиеся в нашем ящике решения будут, в принципе, рассмотрены. В данном случае все зависит от двух основных критериев: (1) технической применимости (иными словами, того, насколько легко на практике реализовать предложенное решение и возможно ли реализовать его, в принципе), и (2) уместности и приемлемости с точки зрения ценностей (т. е., если предложенное решение идет вразрез с ценностными установками тех, в чьих руках — принятие решения, вряд ли такая альтернатива будет ими выбрана и одобрена) (Zahariadis, 2007, p. 72). Также на шансы конкретного предложенного решения попасть на рабочий стол политика влияет и институциональная конфигурация той сети специалистов, которая выдвигает эту альтернативу (Zahariadis, Allen, 1995).

Заметим, что сам Кингдон для описания потока решений использует еще более образную метафору, чем ящик с инструментами — он сравнивает поток политических курсов с первичным бульоном (*primeval soup*), заимствуя этот термин у биологов, изучающих возникновение жизни на земле. К слову, если возвращаться к традиции исследования политических сетей, включающих и субсистемы, и коалиции давления, то именно в потоке решений мы, по мнению Кингдона, встретим всевозможные сообщества политических курсов, поскольку именно они, в первую очередь, отвечают за разработку разнообразных альтернативных решений проблемы (подробнее см. Kingdon, 2003, p. 116–144).

Наконец, третий, политический, поток представляет собой совокупность трех элементов: (1) общественного мнения (политикам легче выдвигать какие-то решения в ситуации, когда в данном вопросе население страны не расколото на противоборствующие лагеря), (2) сменяемости у власти политиков с разной идеологией (так, мы вполне можем ожидать, что в ситуации, когда на выборах в Конгресс США победу одерживают демократы, на повестке дня в скором времени окажется дорогостоящая реформа в области здравоохранения), (3) наличия значительного сегмента групп интересов, высказывающихся «за» определенное политическое решение (Kingdon, 2003, p. 145–164; Zahariadis, 2003, p. 8).

Как уже было сказано, изменение политического курса происходит тогда, согласно Кингдону, когда три потока сливаются воедино во время открытия окон возможностей. Кингдон определяет последние как «возможности для сторонников каких-то предложений продавить свое решение проблемы или же привлечь внимание к специфическим проблемам» (Kingdon, 2003, p. 165). Только два из трех потоков могут открывать окна возможностей. Распахнуть такое окно, причем совсем не надолго, может либо наличие серьезной непреодолимой проблемы, либо политическая партия, сменившая у власти своего идеологического оппонента (Kingdon, 2003, p. 165–208; Zahariadis, 2003, p. 9). Однако сами по себе потоки не сходятся воедино, их могут свести вместе только политические антрепренеры, стремящиеся в ситуации открытия окна возможностей провести в жизнь определенный политический курс, т. е. одно из существующих в потоке политических курсов альтернативных решений. Успех их деятельности зависит от имеющихся у антрепренеров каналов доступа к процессу принятия решений и к тем, кто эти решения принимает, а также временных и материальных ресурсов и, наконец, от выбранных этими игроками стратегий манипуляции и действий (Kingdon, 2003, p. 165–208; Zahariadis, 2007, p. 74, 77–79).

Как ясно следует из описанных выше посылок КМП, наличие фокусирующего события — кризиса или катастрофы, чего-то крайне символического и драматического одновременно — само по себе не несет автоматического изменения политического курса (Kingdon, 2003, p. 94–95, 98), точно так же как внешние шоки, согласно Сабатье и Дженкинс-Смиту, являются необходимым, но недостаточным условием для подобных изменений (Sabatier, Jenkins-Smith, 1999, p. 124; Weible, Sabatier, McQueen, 2009, p. 129). Не делая, в отличие от Уокера, никакого различия между неотложными проблемами, провоцируемыми масштабными кризисами, и отобранными проблемами, внимание к которым, в частности, может привлечь кризис субправительственного масштаба, Кингдон признает за политическими антрепренерами центральную роль в процессе запуска любых реформ, триггером для которых выступают катастрофы и кризисы вне зависимости от их масштаба (напомним, что Уокер считает роль антрепренеров значимой только в случае кризисов, случающихся в границах субправительства). В 2007 году с Кингдоном согласились и разработчики концепции коалиций давления, признавшие значимость антрепренеров в ситуации возникновения внешних шоков (Sabatier, Weible, 2007, p. 203).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенному в этой статье теоретическому обзору, следует признать, что само наличие целого «словаря» родственных, но не синонимичных понятий драматического события, неотложной проблемы, фокусирующего события и внешнего события, или шока, требует от нас ясного определения того, как можно и следует понимать и операционализировать внешние шоки в процессе проведения политологических исследований.

Как отмечают Даниэль Норшted и Кристофер Вейбл, современные исследователи устойчивости и изменчивости политических курсов зачастую используют эти содержательно разные понятия как синонимичные и трактуют их расшири-

тельно, понимая, например, под внешними шоками «и технологические изменения, и макроэкономические перемены, и режимные трансформации, и действия социальных сил, и революции, демографические изменения», а также кризисы, техногенные и природные катастрофы и т. д. (Nohrstedt, Weible, 2010, p. 4–6). Указывая на эту очевидную проблему, они предпринимают попытку концептуализировать понятийный аппарат, предлагая отличать понятия внешних событий, пертурбаций и шоков от фокусирующих событий и критических развязок (*critical juncture*) по отсутствию или наличию реакции на стимул, произведенный таким явлением, соответственно. По целому ряду причин¹¹ такая концептуализация представляется нам некорректной, поэтому в заключении этой статьи мы предлагаем собственное определение внешнего шока, но, естественно, базируем его на произведенном выше обзоре теоретической литературы. Под понятием внешнего шока в политологических исследованиях мы предлагаем понимать:

кризис или катастрофу в определенной области политики, то есть «событие, произошедшее внезапно, являющееся исключительным..., определяемое как вредоносное и опасное или же имеющее такой потенциал, оказывающее пагубное воздействие на определенную географическую область и общность интересов, и известное одновременно и лицам, принимающим решения, и населению, в целом» (Birkland, 1998, p. 54; подробнее см. Kingdon, 2003, p. 94–100; Birkland, 1997). Кроме того, такой географически локализованный кризис должен быть экзогенным, то есть внешним, по отношению к рассматриваемой нами области политики как с субстантивной точки зрения, так и с точки зрения географии.

Иными словами, мы трактуем внешние шоки более узко, чем это делает концепция коалиций давления¹², и содержательно синонимизируем их с фокусирующими событиями Кингдона и Биркланда. При этом, однако, вслед за Уокером и Сабатье, мы обращаем внимание на границы subsystemы, что позволяет концептуально важное различие внутренних и внешних по отношению к конкретной области политики шоков.

Литература

Дегтярев А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (I) // Полис. 2003а. № 1. С. 159–170 (*Degtyarev A. A. Methodological Approaches and Conceptual Models Involved in the Interpretation of Political Decisions (I) // Polis. 2003a. N 1. P. 159–170*).

---

¹¹ Так, например, крайне не корректной нам представляется синонимизация понятий «фокусирующее событие» и «критические развязки», являющихся составными частями понятийного аппарата концепции множественных потоков. Эта некорректность объясняется, в частности, тем, что сам Кингдон использует понятие критических развязок как синоним окон возможностей, а вовсе не фокусирующих событий, которые, естественно, связаны с окнами возможностей, но ими не являются (подробнее об употреблении этих понятий см. Kingdon, 2003, p. xvii, 19, 78, 87, 216, 227).

¹² Такого сужения, в частности, позволяет добиться исключительное использование нами понятия «шок», в то время как понятийный аппарат ККД строится на взаимозаменяемости понятий внешнего шока и внешнего события, хотя существительное «шок», очевидно, имеет значительно более яркую коннотацию, чем слово «событие».

Дегтярев А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (II) // Полис. 2003b. № 2. С. 164–173 (*Degtyarev A. A. Methodological Approaches and Conceptual Models Involved in the Interpretation of Political Decisions (II) // Polis. 2003b. N 2. P. 164–173*).

Дегтярев А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (III) // Полис. 2003с. № 3. С. 152–163 (*Degtyarev A. A. Methodological Approaches and Conceptual Models Involved in the Interpretation of Political Decisions (III) // Polis. 2003с. N 3. P. 152–163*).

Дегтярев А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы // Полис. 2004. № 4. С. 158–168 (*Degtyarev A. A. Process of Decision-Making-and-Realizing in Public Policy: Dynamic Cycle and Its Main Phases // Polis. 2004. N 4. P. 158–168*).

Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. 2003. № 3. С. 109–119 (*Dyakova Ye. G. Mass Political Communication in the Agenda-Setting Theory: from Effect to Process // Polis. 2003. N 3. P. 109–119*).

Дьякова Е. Г. Конструирование и легитимация социальных проблем в процессе установления повестки дня // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2005. № 6. С. 188–211 (*Dyakova Ye. G. Construction and Legitimation of Social Problems in the Agenda-Setting Process // Academic Year-book of the Institute of Philosophy and Law of the Ural brach of the Russian Academy of Science. 2005. N 6. P. 188–211*).

Дьякова Е. Г. Конструирование проблемы «информационного неравенства»: от государства к обществу // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета: Серия социально-гуманитарные науки. 2008. № 21 (121). С. 104–110 (*Dyakova Ye. G. Construction of «Information Inequality» Problem: from State to Civil Society // Bulletin of the South Ural State University: Social Sciences and Humanities Series. 2008b. N 21 (121). P. 104–110*).

де Леон П. Стадийный подход к анализу политического процесса // Публичная политика: от теории к практике / под ред. Н. Ю. Даниловой, О. Ю. Гуровой, Н. Г. Жидковой. СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2008. С. 75–93 (*de Leon P. The Stages Approach to the Policy Process: What Has It Done? Where is It Going? // Public Policy: from Theory to Practice / eds N.Yu. Danilova, O.Yu. Gurova, N. G. Zhudkova. St. Petersburg: Aleteya: History Book, 2008. P. 75–93*).

Нефедов С. А. Стадиальная модель как инструмент исследования регионального политического процесса // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 3. С. 51–57 (*Nefedov S. A. Stages Model as an Instrument for Studying Regional Political Process // The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2009. N 3. P. 51–57*).

Пономарев Н. Ф. Стратегии и технологии медиалегитимации власти. Пермь: Пермский государственный университет, 2010. 192 с. (*Ponomarev N. F. Strategies and Technologies of Media-Legitimation of Power. Perm: Perm State University, 2010. 192 p.*).

Сабатье П., Дженкинс-Смит Х. Концепция лобби-коалиций: оценка // Публичная политика: от теории к практике / под ред. Н. Ю. Даниловой, О. Ю. Гуровой, Н. Г. Жидковой. СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2008. С. 94–154 (*Sabatier P. A., Jenkins-Smith H. C. The Advocacy Coalition Frame Work: An Assessment // Public Policy: from Theory to Practice / eds N.Yu. Danilova, O.Yu. Gurova, N. G. Zhidkova. St. Petersburg: Aleteya: History Book, 2008. P. 94–154*).

Стародубцев А. В. Введение Единого государственного экзамена как пример авторитарной модернизации // Публичная Политика — 2012. 2013. С. 39–54 (*Starodubtsev A. V. Unified State Exam Introduction as an Example of Authoritarian Modernization // Public Policy — 2012. 2013. P. 39–54*).

Федоров К. Г. Политический курс в сфере местного налогообложения в России // Полис. 2003. № 4. С. 71–81 (*Fyodorov K. G. Local Taxation Policy in Russia // Polis. 2003. N 4. P. 71–81*).

Adam S., Kriesi H. The Network Approach // Theories of the Policy Process / ed. by P. A. Sabatier. Boulder, Colo: Westview Press, 2007. 2nd ed. P. 129–154.

Baumgartner F. R., Jones B. D. Agenda Dynamics and Policy Subsystems // The Journal of Politics. 1991. Vol. 53, N 4. P. 1044–1074.

- Baumgartner F. R., Jones B. D.* Agendas and Instability in American Politics. Chicago; London: University of Chicago Press, 1993. 316 p.
- Birkland T. A.* After Disaster: Agenda Setting, Public Policy, and Focusing Events. Washington D. C.: Georgetown University Press, 1997. 194 p.
- Birkland T. A.* Focusing Events, Mobilization, and Agenda Setting // *Journal of Public Policy*. 1998. Vol. 18, N 1. P. 53–74.
- Birkland T. A.* Lessons of Disaster: Policy Change after Catastrophic Events. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 2006. 240 p.
- Börzel T. A.* Organizing Babylon — On the Different Conceptions of Policy Networks // *Public Administration*. 1998. Vol. 76, N 2. P. 253–273.
- Brewer G. D.* Editorial: The Policy Sciences Emerge: To Nurture and Structure a Discipline // *Policy Sciences*. 1974. Vol. 5, N 3. P. 239–244.
- Brewer G. D., DeLeon P.* The Foundations of Policy Analysis. Brooks Cole Pub. Co., 1983. 504 p.
- Downs A.* Up and Down with Ecology: The Issue-Attention Cycle // *Public Interest*. 1972. Vol. 28. P. 38–50.
- Easton D.* The Political System: An Inquiry Into the State of Political Science. New York: Alfred A. Knopf, Inc. 1953. 356 p.
- Easton D.* An Approach to the Analysis of Political Systems // *World Politics*. 1957. Vol. 9, N 3. P. 383–400.
- Easton D.* A Framework for Political Analysis. Englewood; Cliffs; N. J.: Prentice-Hall, 1965a. 168 p.
- Easton D.* A Systems Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1965b. 534 p.
- Farr J., Hacker J. S., Kazee N.* The Policy Scientist of Democracy: The Discipline of Harold D. Lasswell // *American Political Science Review*. 2006. Vol. 100, N 4. P. 579–587.
- Freeman J. L.* The Political Process: Executive Bureau-Legislative Committee Relations. Doubleday, 1955. 72 p.
- Freeman J. L., Parris Stevens J.* A Theoretical and Conceptual Reexamination of Subsystem Politics // *Public Policy and Administration*. 1987. Vol. 2, N 1. P. 9–24.
- Howlett M., Ramesh M.* Studying Public Policy: Policy Cycles and Policy Subsystems. Oxford: Oxford University Press, 2003. 2nd ed. 321 p.
- James D. B.* The Contemporary Presidency. Pegasus, 1974. 364 p.
- John P.* Analyzing Public Policy. Abingdon; Oxon; New York: Routledge, 2012. 2nd ed. 224 p.
- Kingdon J. W.* Agendas, Alternatives, and Public Policies. Little, Brown, 1984. 266 p.
- Kingdon J. W.* Agendas, Alternatives, and Public Policies. New York: Longman, 2003. 2nd ed. 284 p.
- Lasswell H. D.* The Political Science of Science: An Inquiry into the Possible Reconciliation of Mastery and Freedom // *American Political Science Review*. 1956a. Vol. 50, N 4. P. 961–979.
- Lasswell H. D.* The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis. Bureau of Governmental Research, College of Business and Public Administration, University of Maryland, 1956b. 40 p.
- Lasswell H. D.* A Pre-View of Policy Sciences. American Elsevier Pub. Co., 1971. 173 p.
- Lowi T.* How the Farmers Get What They Want // *The Reporter*. 1964. May 21. P. 34–37.
- March J. G., Olsen J. P.* The Institutional Dynamics of International Political Orders // *International Organization*. 1998. Vol. 52, N 4. P. 943–969.
- Nohrstedt D., Weible C. M.* The Logic of Policy Change after Crisis: Proximity and Subsystem Interaction // *Risk, Hazards & Crisis in Public Policy*. 2010. Vol. 1, N 2. P. 1–32.
- North D. C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990. 164 p.
- Page E. C.* The Origins of Policy // *The Oxford Handbook of Public Policy* / eds M. Moran, M. Rein, R. E. Goodin. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. P. 207–227.
- Peters B. G., Hogwood B. W.* In Search of the Issue-Attention Cycle // *The Journal of Politics*. 1985. Vol. 47, N 1. P. 238–253.
- Pierson P.* The Limits of Design: Explaining Institutional Origins and Change // *Governance*. 2000. Vol. 13, N 4. P. 475–499.

- Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach / eds P.A. Sabatier, H. C. Jenkins-Smith. Boulder; Colo: Westview Press, 1993. 304 p.
- Rhodes R. A. W.* Policy Network Analysis // The Oxford Handbook of Public Policy / eds M. Moran, M. Rein, R. E. Goodin. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. P.425–447.
- Richardson J.* Government, Interest Groups and Policy Change // Political Studies. 2000. Vol. 48, N 5. P. 1006–1025.
- Ripley R. B., Franklin G. A.* Congress, the Bureaucracy, and Public Policy. Dorsey Press, 1980. Revised ed. 216 p.
- Sabatier P. A.* Policy Change over a Decade or More // Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach / eds P.A. Sabatier, H. C. Jenkins-Smith. Boulder; Colo: Westview Press, 1993. P. 13–40.
- Sabatier P. A.* The Need for Better Theories // Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. Boulder, Colo: Westview Press, 2007. 2nd ed. P.3–17.
- Sabatier P. A., Jenkins-Smith H. C.* The Study of the Public Policy Processes // Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach / eds P.A. Sabatier, H. C. Jenkins-Smith. Boulder; Colo: Westview Press, 1993. P. 1–12.
- Sabatier P. A., Jenkins-Smith H. C.* The Advocacy Coalition Framework: An Assessment // Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. Boulder; Colo: Westview Press, 1999. P. 117–166.
- Sabatier P. A., Weible C. M.* The Advocacy Coalition Framework: Innovations and Clarifications // Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. Boulder; Colo: Westview Press, 2007. 2nd ed. P. 189–220.
- Sartori G.* Concept Misformation in Comparative Politics // American Political Science Review. 1970. Vol. 64, N 4. P. 1033–1053.
- Simposium Issue «An Advocacy Coalition Framework of Policy Change and the Role of Policy-Oriented Learning therein» // Policy Sciences. 1988. Vol. 21, N 2–3. P. 123–277.
- Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. Boulder; Colo: Westview Press, 2007. 2nd ed. 352 p.
- Thurber J. A.* Foreword // Agendas, Alternatives, and Public Policies. New York: Longman, 2003. P. vii–xi.
- True J. L., Jones B. D., Baumgartner F. R.* Punctuated-Equilibrium Theory: Explaining Stability and Change in Public Policymaking // Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. Boulder; Colo: Westview Press, 2007. 2nd ed. P. 155–188.
- Walker J. L.* Setting the Agenda in the U. S. Senate: A Theory of Problem Selection // British Journal of Political Science. 1977. Vol. 7, N 4. P. 423–445.
- Weible C. M., Sabatier P. A., McQueen K.* Themes and Variations: Taking Stock of the Advocacy Coalition Framework // Policy Studies Journal. 2009. Vol. 37, N 1. P. 121–140.
- Zahariadis N.* Ambiguity and Choice in Public Policy: Political Decision Making in Modern Democracies. Washington D. C.: Georgetown University Press, 2003. 212 p.
- Zahariadis N.* The Multiple Streams Framework: Structure, Limitations, Prospects // Theories of Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. Boulder; Colo: Westview Press, 2007. 2nd ed. P. 65–92.
- Zahariadis N., Allen C. S.* Ideas, Networks, and Policy Streams: Privatization in Britain and Germany // Policy Studies Review. 1995. Vol. 14, N 1/2. P. 71–98.

Авторы выпуска

Абрамов Юрий Иванович — Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (Рязань), кафедра философии и истории, доцент. konsikro@mail.ru

Балуев Дмитрий Геннадьевич — Нижегородский государственный университет, заведующий кафедрой прикладной политологии. dbalu@yandex.ru

Баранов Николай Алексеевич — Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, кафедра политических институтов и прикладных политических исследований, профессор. nicbar@mail.ru

Барыгин Игорь Николаевич — Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра европейских исследований, д-р полит. наук, профессор.

Беренкова Наталья Александровна — Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, факультет международных отношений, кафедра зарубежного регионоведения, аспирант. Natalia.berenkova@gmail.com

Бобыло Андрей Михайлович — Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Владивосток, Кампус ДВФУ о. Русский, кафедра политологии, доцент. sibiryk_84@mail.ru

Богданов Алексей Николаевич — Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра американских исследований, доцент. enlii82@mail.ru

Бойко Сергей Иванович — Российский государственный гуманитарный университет, факультет истории, политологии и права, кафедра теоретической и прикладной политологии, канд. полит. наук, доцент. bsi1952@yandex.ru

Гайворонский Юрий Олегович — Лаборатория региональных политических исследований НИУ ВШЭ, Москва, мл. научный сотрудник. gaiworonskiy@gmail.com

Гуторов Владимир Александрович — Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, кафедра теории и истории политики, профессор, заведующий. gut-50@mail.ru

Декальчук Анна Андреевна — Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», преподаватель. adekalchuk@hse.ru

Закиров Марат Борисович — Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина), кафедра политологии и правоведения, канд. ист. наук, доцент, докторант. zmb@rambler.ru

Ирхин Юрий Васильевич — Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, кафедра теоретической и прикладной политологии РГГН, д-р филос. наук, профессор кафедры политологии и политического управления. lrkhine@mail.ru

Кадочников Алексей Николаевич — Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, кафедра российской политики, доцент, канд. физ.-мат. наук. a_kadochnikov@mail.ru, ank1805@yandex.ru

Каминченко Дмитрий Игоревич — Нижегородский государственный университет, аспирант. Ert1fg2@rambler.ru

Авторы выпуска

Козлов Сергей Васильевич — Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, факультет политики и международных отношений, декан, канд. ист. наук, доцент. feld@ngs.ru

Конышев Валерий Николаевич — Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, профессор. Konyshev06@mail.ru

Лексютин Яна Валерьевна — Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра американских исследований, доцент. lexyana@yandex.ru

Мартынова Лилия Александровна — Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, кафедра международных политических процессов. Lil.martynova@gmail.com

Павлова Елена Борисовна — Институт политологии, Тартуский университет (Эстония), ст. научный сотрудник elena.pavlova@ut.ee

Песцов Сергей Константинович — Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Владивосток, Кампус ДВФУ о. Русский, кафедра политологии, профессор, руководитель ОП «Политология». skpfox@mail.ru

Пилягина Вера Александровна — Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), факультет истории, политологии и права, кафедра теоретической и прикладной политологии, аспирантка. vera_piluagina@mail.ru

Розанова Мария Сергеевна — Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, соискатель ученой степени доктора наук; Юридический институт (Санкт-Петербург), доцент. mariaroz@mail.ru, maria.rozanova@yahoo.com

Рудякова Эвелина Алексеевна — Московский государственный университет (МГУ) им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, кафедра истории социально-политических учений, аспирантка. 9966926@gmail.com

Садохин Александр Петрович — Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, кафедра управления информационными процессами, доктор культурологии, профессор. sadalpetr@yandex.ru

Семёнов Александр Викторович — Рязанский заочный институт (филиал) Московского государственного университета культуры и искусств, кафедра психологии и педагогики, доцент, канд. полит. наук, доцент. flancu@yandex.ru

Трофимова Ирина Николаевна — Институт социологии РАН (Москва), вед. научный сотрудник. itnmv@mail.ru

Фадеичева Марианна Альфредовна — Институт философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург), д-р полит. наук, доцент, гл. научный сотрудник. fm366@uralmail.com

Шабаетов Юрий Петрович — Институт гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета, кафедра политологии и международных отношений, д-р ист. наук, профессор. shabaev@mail.illhkomisc.ru

Швырков Александр Иванович — Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (Украина), кафедра политологии, докторант. aishvyrkov@rambler.ru